

ГЕНЕРАЛЬ А. И. ДЕНИКИНЪ

Русскій вопросъ
на
Дальнемъ Востокѣ

ПАРИЖЪ
1932

1.

Снова надъ землею рѣзетъ зловѣщій призракъ мірового пожара, загорающагося на Дальнемъ Востокѣ и на Рейнѣ и готоваго перекинуться къ русскимъ рубежамъ. Что несетъ онъ русскому народу, мы не знаемъ. Оторванная отъ Родины въ теченіе долгихъ лѣтъ, утопающая во взаимныхъ политическихъ распряхъ, русская эмиграція, въ запутавшемся клубкѣ международныхъ столкновеній, не находитъ и общаго пониманія російскихъ національныхъ интересовъ. Переплелись даже столь опредѣленные противоположенія, какъ патріотизмъ и предательство, оборончество и пораженчество.

Примѣромъ такого отрыва отъ родной почвы въ прошломъ является судьба властителя думъ русской передовой интеллигенціи 50-60-хъ годовъ, эмигранта Герцена, и его гремѣвшаго, пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ въ Россіи «Колокола»... Въ Варшавѣ, въ январѣ 63 года, вспыхнуло вооруженное возстаніе, начавшееся истребленіемъ спавшихъ въ казармахъ русскихъ солдатъ и ставившее цѣлью возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года... Въ то же время европейскія державы вступились въ этотъ «споръ славянъ между собою», угрожая Россіи вооруженнымъ вмѣшателствомъ. Эти событія имѣли слѣдствіемъ взрывъ патріотизма въ Россіи и перемѣну отношенія къ полякамъ даже въ тѣхъ кругахъ, которые, подобно Аксакову, считали ранѣе возможнымъ вывести изъ Польши всѣ русскія войска и предоставить ей управляться самой.

Между тѣмъ, Герценъ поддерживалъ польское возстаніе и въ горячихъ статьяхъ призывалъ русскихъ воиновъ переходить въ польскій станъ для борьбы «съ

правительственными войсками»... Этимъ онъ подписалъ приговоръ себѣ и «Колоколу»: послѣ 63 года политическое вліяніе его упало совершенно.

Я привелъ этотъ эпизодъ только какъ примѣръ отрыва эмигрантскаго течения отъ настроеній страны, отнюдь не проводя параллели между двумя режимами и ихъ политикой — абсолютно несравнимыми.

Положеніе наше въ отношеніи духовнаго общенія съ Россіей внутренней несоизмѣримо труднѣе, чѣмъ прежнихъ эмигрантовъ. И въ смыслѣ проникновенія т у д а нашего вліянія, и въ смыслѣ получения о т т у д а правильныхъ свѣдѣній с настроеній народныхъ. Оттуда — изъ страны, гдѣ задушены слово, печать, общественная жизнь, гдѣ каждый пятый человѣкъ вольный или невольный «сексотъ», гдѣ карается «вышей мѣрой» не только содѣянное, но и слово, даже мысль, еще не высказанная... Подневольная Россія молчитъ, и только заглушенные стоны ея свидѣтельствуютъ передъ міромъ — глухимъ, жаднымъ и эгоистичнымъ — о всей глубинѣ народнаго бѣдствія.

А безъ народа борьба обречена на неудачу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ неопровержимо наше недавнее прошлое. Въ эти годы великой смуты боролись арміи, боролись сотни тысячъ русскихъ людей, были и есть вспышки народнаго гнѣва, были и есть миражи народнаго подъема, но н а р о д ъ еще не возставалъ. Вотъ основная причина неудачи до сей поры противобольшевиетскихъ движеній.

Нашъ долгъ — будить въ народѣ словомъ и дѣломъ волю къ возстанію, используя всѣ внутреннія затрудненія совѣтской власти, всѣ тѣ возможности, создаваемые международными кризисами, которыя сулятъ подлинное спасеніе, а не новое порабощеніе.

Если назрѣвающая міровая событія такъ глубоко интересуютъ русскую эмиграцію, то понятно особенное волненіе, которое они вызвали среди тѣхъ, кто не потеряли еще надежды выступить снова съ оружіемъ въ рукахъ для спасенія своей Родины, — среди зарубежнаго воинства. Ибо для насъ этотъ вопросъ — не только словопреній, но и дѣйствія. И то или другое рѣ-

шеніе можетъ поднять на осмысленный патріотическій подвигъ или ввергнуть въ безславную и гиблую авантюру.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при иныхъ, но такъ же тревожныхъ, обстоятельствахъ, на вопросъ своихъ соратниковъ — «какъ быть?» — я отвѣтилъ:

1. Русское воинство не можетъ принимать участія въ войнѣ въ рядахъ союзниковъ и пособниковъ большевиковъ, а также тѣхъ, кто подыметъ для расчлененія Россіи.

2. Русское воинство должно принять самое широкое участіе во всякой коалиціи, имѣющей цѣлью освобожденіе Россіи отъ большевиковъ.

3. Русское воинство должно беречь свою кровь, не ввязываясь въ чужія распри, и не жалѣть жизни для русскаго дѣла.

Эти три положенія, отрѣшенные отъ всякаго «фильства» и «фобства», и представляющія только русскую точку зрѣнія, по твердому моему убѣжденію, должны лечь въ основу нашего отношенія и къ развертывающимся нынѣ событіямъ.

2.

Основнымъ стержнемъ, вокругъ котораго круто завязался узелъ дальне-восточныхъ столкновеній, является политика Японіи.

Островная Японія перенаселена въ высшей степени (405 чел. на кв. милю) и должна искать выхода для избытка своего населенія, ежегодный приростъ котораго превосходитъ 800 тысячъ. Островная Японія нуждается въ нефти, въ углѣ, въ желѣзѣ, стали и хлопкѣ и принуждена искать ихъ на континентѣ Азіи или за океаномъ. Не хватаетъ ей и предметовъ питанія. Колоссально развившаяся промышленность, по масштабу своему далеко превосходящая отечественную потребность и наличие собственнаго сырья, толкаетъ Японію къ за-

хватать рынковъ. Все это, вмѣстѣ взятое, наряду съ сильно развитымъ національнымъ сознаниемъ, самоотверженіемъ народа, терпѣливо переносящаго тяжкія матеріальныя лишенія во имя великодержавія страны и манящаго призрака панъ-азіатской идеи, съ главенствомъ Японіи, — создало японскій имперіализмъ, въ которомъ переплетаются мотивы стихійные и преодолимые, подлинная необходимость удовлетворенія насущныхъ нуждъ народныхъ и шовинизмъ водителей молодого, недавно выступившаго на міровую арену народа. Имперіализмъ, который, встрѣчая естественное противоѣдѣіе, привелъ за послѣдніе годы почти къ полной изоляціи Японіи.

Проблема японскаго перенаселенія, можно сказать, не получила еще вовсе разрѣшенія. Тяга на востокъ къ материкамъ Америки и Австраліи встрѣтила рѣшительное, подчасъ глубоко обидное для японскаго національнаго чувства и расоваго самосознанія сопротивление. Размѣры миграціи на сѣверѣ ничтожны, вслѣдствіе причинъ климатическихъ и вообще природныхъ условій. Такъ, за 27 лѣтъ обладанія южнымъ Сахалиномъ, Японія перебросила туда всего 120 тыс., изъ которыхъ только часть осѣла. Столь же неблагоприятны для японской миграціи просторы Приамурскаго края.

Не разрѣшило вопроса до настоящаго времени и вселеніе въ Манчжурію, которое, кромѣ, хотя и лучшихъ, но также не вполне привычныхъ для японцевъ природныхъ условій, встрѣчало еще сильное сопротивление китайцевъ, не допускающихъ до сей поры земельнаго владѣнія иностранцевъ. Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ недостаткомъ колонизаторскихъ способностей у японцевъ, привело къ тому, что къ 30-му году, т.е. за четверть вѣка со времени выхода японцевъ на материкъ, въ южной Манчжуріи, находящейся въ японскомъ управленіи, осѣло 180 тысячъ японцевъ, по преимуществу купцовъ, промышленниковъ, чиновниковъ, а во всей Манчжуріи, по официальнымъ подсчетамъ, имѣется одинъ милліонъ японскихъ подданныхъ, изъ которыхъ около 800 тыс. корейцевъ — элемента, въ большинствѣ своемъ, враждебнаго японцамъ и стре-

мясагося перейти въ китайское подданство. Въ Корею переселилось за четверть вѣка немногимъ болѣе 400-хъ тысячъ.

Совершенно исключена возможность переселенія въ центральный Китай, гдѣ скученность населенія весьма велика, въ особенности въ провинціяхъ, прилегающихъ къ Тихому океану (Кіань-Су — 875 чел. на кв. милью, Шантунгъ — 552).

И потому, затаенныя, завѣтныя устремленія японской націи обращены на югъ, въ сторону азіатскаго архипелага, находящагося во владѣніи Америки и Голландіи, отчасти — Англій и, въ ничтожной долѣ, — Португаліи. Туда — въ богатѣйшую страну тепла и риса, населенную аборигенами, мало культурными, со средней плотностью населенія, не превосходящей 55 чел. на кв. м.; страну, которая, по своему географическому положенію, какъ продолженіе архипелага Японскаго, замкнула бы кругъ господства надъ всѣми океанскими путями къ берегамъ восточной Азіи.

Такимъ образомъ, перенаселеніе островной Японіи является только однимъ изъ звеньевъ въ сочетаніи интересовъ экономическихъ, политическихъ и стратегическихъ, совокупностью которыхъ только и можно объяснить масштабы и размахъ японской экспансіи.

3.

Первыми на южномъ пути стоятъ Филиппины, и это обстоятельство, въ связи съ острой борьбой за китайскіе рынки, создало тѣ напряженныя отношенія между Японіей и Америкой, которыя врядъ ли могутъ быть разрѣшены путемъ бумажныхъ нотъ и словопреній.

Какія же перспективы сулитъ грядущее столкновение?

Наши военные авторитеты приходятъ къ заключенію, что:

1. Американскій флотъ, не взирая на большій коэффициентъ своего состава (5 противъ 3-хъ), вслѣдствіе большого удаленія своихъ основныхъ морскихъ базъ

и другихъ причинъ техническаго и организаціоннаго характера, — даже и при содѣйствіи части англійскаго, — не можетъ рассчитывать на скорую и рѣшительную побѣду надъ японскимъ флотомъ въ линейномъ бою.

2. Японія можетъ безъ большого труда овладѣть Филиппинами въ началѣ войны.

3. Только тѣсная и длительная блокада можетъ вызвать окончательное пораженіе Японіи.

Если первое положеніе является спорнымъ, то значеніе блокады для Японіи во всѣхъ случаяхъ огромно. Однако, перерывъ даже всѣхъ морскихъ путей, создавъ, безъ сомнѣнія, большія затрудненія, не могъ бы парализовать жизнедѣятельность страны и вооруженную борьбу, при наличіи свободнаго притока съ континента — изъ Китая, Манчжуріи и Россіи — предметовъ питанія и сырья, необходимыхъ для жизни и войны.

Отсюда — еще одна побудительная причина, объясняющая послѣдовательное, необыкновенно настойчивое стремленіе Японіи къ прочному обоснованію на континентѣ, къ превращенію Японскаго моря въ море внутреннее. Стремленіе, встрѣтившееся въ послѣдніе годы столь же настойчивое противодѣйствіе Америки, и рѣшеніе ея приступить къ немедленному усиленію своего военнаго флота — п о к а до полной нормы, допускаемой Вашингтонскимъ соглашеніемъ.

Впервые твердою ногою Японія стала на континентѣ въ 1905 году, получивъ въ обладаніе Корею, Ляодунскій полуостровъ и концессионныя территоріи южной манчжурской жел. дор.

Иронія судьбы! Кромѣ политической и матеріальной поддержки своей тогдашней союзницы — Англій, въ борьбѣ противъ Россіи и за утверженіе на материкѣ, Японія нашла полное сочувствіе именно въ Америкѣ... На ея сторонѣ были руководители американской политики и большая часть прессы; посѣтившій тогда Нью-Йоркъ японскій принцъ Фушими былъ принятъ тамъ весьма привѣтливо и получилъ завѣренія, что «Соединенные Штаты имѣютъ общіе, не только коммерческіе, но и политическіе интересы». Японія вступала въ войну съ нами, въ качествѣ

«защитницы» англо-американскихъ и... китайскихъ интересовъ...

Еще въ началѣ мирныхъ переговоровъ въ Портсмутѣ симпатіи президента Рузвельта были на сторонѣ Японіи; онъ обвинялъ русскаго чрезвычайнаго посла Витте въ «неуступчивости» и, помимо него, сносясь съ императоромъ Николаемъ II, давалъ совѣты — соглашаться на неумѣренныя притязанія Японіи. Но въ это время совершился уже поворотъ въ общественномъ мнѣніи страны, заставившій и президента переменить тактику: послѣдняя его телеграмма, адресованная микадо, говорила о перемѣнѣ настроенія американцевъ въ пользу Россіи и о томъ, что, въ случаѣ непріятія русскихъ условій, Японія не встрѣтитъ болѣе въ американскомъ народѣ прежней поддержки.

Такое отношеніе, вызванное осознанной американской націей, послѣ выясненія результатовъ японо-русской войны, угрозы своимъ интересамъ на востокъ Ази, съ тѣмъ поръ не измѣнялось.

4.

Попытки Японіи утвердиться на побережьѣ центрального Китая, встрѣчая болѣе сложное переплетеніе коммерческихъ интересовъ европейскихъ державъ и Америки, и ихъ противодействию, успѣха не имѣли. Японія, вмѣсто лобовой атаки, начала обходить: съ огромной широтой размаха, не останавливаясь передъ рискомъ захлебнуться въ бушующей тамъ стихіи, наоборотъ, раздувая ее всѣми способами, она бросила въ Китай капиталъ, купца и промышленника. Вложеніе японскихъ капиталовъ въ Китай въ 30 году выразилось суммою въ 2 1/2 милліарда іенъ; въ рукахъ Японіи — болѣе четверти всего внѣшняго оборота Китая; она владѣетъ или контролируетъ отъ одной четверти до двухъ третей угольныхъ предпріятій и большинствомъ желѣзо-рудныхъ, вывозя четыре пятыхъ руды; она владѣетъ почти третью всѣхъ хлопчато-бумажныхъ фаб-

рикь Китая; до послѣдняго времени Японія выбрасывала въ Китай 46% своего экспорта и т. д., и т. д.

Сочетая интересы экономическіе со стратегическими, Японія, путемъ займовъ, аренды или концессій, принимаетъ огромное участіе въ китайскомъ жел.-дор. строителствѣ, проводя и проектируя линіи къ источникамъ своего питанія и своей торговли, къ плодороднымъ и промышленнымъ районамъ, подготавливая пути обхода съ суши «открытыхъ дверей», — на пространствахъ отъ Тянь-Тзина до Гонконга, проникая желѣзными путями въ направленія во внутреннюю Монголію и въ Россію, связывая съ Манчжурскихъ дорогъ съ Кореей и Ляодунемъ — своими континентальными базами.

То преимущественное вниманіе, которое отдано было при этомъ Манчжуріи, поглотившей болѣе двухъ третей всего вложенія японскихъ капиталовъ, опредѣляетъ послѣдовательность историческихъ задачъ, поставленныхъ японской экспансіей, и преимущественную заинтересованность въ прочномъ овладѣніи этой страной, богатой плодородными свободными землями, углемъ, желѣзной рудой и другими минералами. Въ данное время вся хозяйственная жизнь Манчжуріи — кредитъ, торговля, промышленность, транспортъ — находится по преимуществу въ рукахъ японцевъ.

И когда предварительная подготовка была закончена, для закрѣпленія «мирнаго проникновенія» въ северную Манчжурію въ сентябрѣ 31 года были введены войска генерала Хондзо, доведенныя послѣдовательно до 5-ти дивизій. Послѣ боевъ съ силами маршала Чангъ-Сю-Ляна и китайскими партизанами, японскія войска заняли Кинь-Чжоу, отрѣзавъ сообщенія трехъ манчжурскихъ провинцій отъ центральнаго Китая, продвинувшись къ Цицикару, Харбину и Имяню.

Моментъ для выполнения этой задачи былъ выбранъ весьма удачно: отсутствіе Россіи, всеобщій экономическій кризисъ, весьма сложное внутреннее и внѣшнее положеніе Англіи, наконецъ, та духовная депрессія, которой придавлены побѣдители въ великой войнѣ не менѣе, чѣмъ побѣжденные, и которая вызываетъ въ массахъ чувство страха передъ новой войной и ея по-